

ЭЛЕЙНА УРКХАРТ

ЛОВУШКА ДІЯ
ПТИЦЕЛОВА

Элейна Уркхарт
Ловушка для птицелова
Серия «Анатомия смерти»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69879103
Ловушка для птицелова: Издательство АСТ; М.; 2023
ISBN 978-5-17-153767-8

Аннотация

Что-то темное скрывается в туманах залива Луизианы: безжалостный убийца со склонностью к медицинским экспериментам усердно работает над завершением своего самого ужасающего проекта. Он играет с жертвами и полицией, пока последние отчаянно пытаются его найти.

Но судебно-медицинский патологоанатом доктор Рен Мюллер не так проста, как кажется. За ее плечами многолетний опыт работы судмедэксперта, багаж энциклопедических знаний, а еще тайна, которую она бережно оберегает ото всех.

Игра в кошки-мышки с жестоким убийцей началась. Но кого ловит, и кто станет победителем?

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава третья	26
Глава четвертая	32
Глава пятая	35
Глава шестая	40
Глава седьмая	47
Глава восьмая	53
Глава девятая	61
Глава десятая	64
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Элейна Уркхарт

Ловушка для птицелова

Для мамы и папы, которым не обязательно читать эту книгу.

Жизнь с вами совершенно точно не вдохновила меня на этот сюжет (представьте себе!), но вы вдохновили меня на писательство. Вам достался странный ребенок, но вы сообразили, как с ним справиться. Вечно вам за это признательна.

Для Джона, который подарил мне уверенность в творчестве. С каждым прожитым годом я восхищаюсь тобой все сильнее. Никогда не переставай петь R&B-баллады времен девяностых в самое неподходящее для этого время.

Для трех моих чудесных детей, которые пишут гораздо лучше, чем я когда-либо буду, и обладают волосами куда красивее, чем у меня когда-либо были. Вам нельзя читать эту книгу. Положите ее обратно на полку.

Alaina Urquhart

THE BUTCHER AND THE WREN

© 2022 by Perimortem LLC

© Коложвари М. Е., перевод, 2023

Часть первая

Глава первая

Из вентиляции до Джереми доносились крики. Он прекрасно их слышал, но не обращал внимания. Его ежевечерняя рутина стояла на первом месте. Скучные и обыденные дела, благодаря которым он чувствовал себя самым собой. Даже самое простое действие – повернуть рукоятку древнего крана в его опрятной ванной – словно заземляло его, помогало обрести спокойствие.

Его вечер обычно заканчивался у зеркала. Он вылезал из душа, затем неспешно брился – ему нравилось залезать в кровать с чистым телом и чистым разумом. Он тщательно следил за тем, чтобы каждый вечер проходил одинаково, невзирая ни на какие внешние обстоятельства.

Сегодня его обычную рутину прервал особенно громкий вскрик. Джереми уставился в зеркало, чувствуя, как его начинает затоплять гнев. Прорастал в нем, словно сорняк. Звучащие из подвала вопли казались почти ритмичными, они мешали ему думать. Он ненавидел громкие звуки всегда, сколько себя помнил. Когда он был маленьким, каждый раз, когда он оказывался в людном месте, ему начинало казаться, что мир вокруг стремительно уменьшается, зажимая его

в тиски. Единственный звук, который приносил ему наслаждение – это шум болотных топей. Эта многоголосая симфония всегда убаюкивала его, словно теплое одеяло. Звуки дикой природы – вот настоящая музыка для ушей.

Он попытался отрешиться от воплей. Его рутина священна. Он вздохнул, убрал со лба выбившуюся прядь светлых волос и включил радио, стоящее у раковины. Настоящую музыку Джереми тоже любил, в ней он находил умиротворение. Из динамиков зазвучала «Hotline Bling», исполненная Дрейком, и Джереми тут же выключил звук. Долгожданного облегчения не наступило. Иногда ему казалось, что он родился в неподходящее время.

Он медленно смыл с рук кровь и грязь, стараясь не обращать внимания на приглушенные, полные страданий стоны, которые слышит из вентиляции. Затем он долго рассматривал себя в зеркало. С каждым годом его скулы выступали чуточку сильнее. Возраст берет свое, и это приносило Джереми странное удовлетворение. Множество абсолютно нормальных, уравновешенных людей всегда восхищались изящными очертаниями черепных костей. Большинство из них даже не понимали, как примитивно зловещи их пристрастия. Они не позволяли себе как следует присмотреться к дикой стороне собственного разума, еще миллионы лет назад сформировавшейся у наших предков из-за потребности выжить любой ценой. Не хотели увидеть черты, которые эволюция сочла полезными. Люди зачастую слишком тупы, чтобы по-

нять – их собственные пристрастия рождены генами, берущими свое начало из безжалостных, жестоких времен.

Джереми совсем не выглядел порочным. Он казался безобидным, а временами мог выглядеть совершенно нормальным. Вот поэтому это все и работало.

Существует такое растение, аморфофаллус титанический – иногда его попросту называют «трупным цветком». Он огромен, прекрасен, и у него нет никаких защитных механизмов, которые представляли бы опасность. Но когда он цветет – примерно каждые десять лет – он источает аромат, напоминающий тухлое мясо. И он отлично живет. Можно сказать, процветает. Джереми не так уж сильно отличался от трупного цветка. Люди стекались поглазеть на это удивительное растение, и многие его любили, несмотря на все странности.

Завтра четверг. Четверги для Джереми – все равно что пятницы, хоть он и ненавидел это выражение. С тех пор, как он перешел на второй курс в Туланском медицинском университете, он с удовольствием пользовался возможностью брать на работе отгулы по пятницам. И хоть в пятницу ему все еще нужно будет побывать на паре лекций, выходные у него теперь начинались на день раньше, а выходные – это время, когда он занимался большинством своих дел. Сегодня Джереми был особенно взбудоражен – планы на нынешних гостей у него масштабные. Конечно, ему придется постараться, чтобы довести все до конца – Джереми не хватало

еще одного гостя.

К ним присоединится Эмили. После того, как они начали вместе работать на биологии, Джереми много недель анализировал ее поведение и пришел к выводу – она та, кто сможет наконец-то бросить ему долгожданный вызов. Несколько раз в неделю Эмили бегала по утрам, у нее не было вредных привычек – а значит, выносливости у нее должно хватать. Она жила с двумя соседками в Пончатуле – они вместе снимали большой дом. Эмили, конечно, слишком уж жаждала поделиться подробностями своей жизни с новым напарником по лабораторным, но в остальном она была уверенной в себе, способной, умной – словом, обладала всеми качествами, которые помогут ей в игре. Остальные, конечно, тоже по-своему полезны, но Джереми считал, что после такого длительного пребывания в его доме они не смогут полноценно участвовать в запланированных на выходные мероприятиях.

С прошлой субботы другие два гостя уже успели немного пострадать. Джереми встретился с ними в Бьюкенене – ему даже заранее готовиться не пришлось. Обычно он предпочитал поближе узнать потенциальных гостей – как это было с Эмили – но эти двое удобно подвернулись ему под руку. Словно сама Вселенная умоляла помочь ей избавиться от отбросов общества. И, конечно, Джереми подчинился.

Кэти и Мэтт были до боли обычны. В их головах – ни единой собственной мысли. Они не задумываясь отправились домой к обладателю столь изящных черепных костей, стои-

ло ему только пообещать им наркотики. К нынешнему моменту Кэти и Мэтт уже поняли – решение было скверным. Из вентиляции снова донесся болезненный стон, и Джереми ощутил, что теряет терпение.

Он бросил свой вечерний ритуал незаконченным и бегом спустился вниз по лестнице в подвал – туда, где сейчас живут его гости. Он тут же услышал, как тихие стоны Кэти сменились полными ужаса всхлипами. Она отшатнулась назад, маленькая и хрупкая.

– Тебе надо понять, что сейчас ты в гостях в чужом доме, – произнес Джереми, глядя в ее грязно-коричневые глаза.

Кэти была безнадежно непримечательна. Безжизненные каштановые волосы липли к ее покрытой засохшей кровью шее. Весь ее вид так и кричал: «Я живу в трейлере», хотя она изо всех сил пыталась это скрыть. Передние зубы у нее слегка выпирали, словно у грызуна – и это могло бы быть очаровательным, если бы Кэти не была такой идиоткой. Когда он подошел к ней в баре, она рассказывала Мэтту какую-то смешную историю о том, как была чирлидером в старшей школе – историю абсолютно жалкую и неинтересную. Кроме того, скорее всего, Кэти существенно приврала, учитывая, в какой физической форме она пребывает сейчас.

Джереми поправил ремни, фиксирующие Кэти на стуле, проверил капельницу, которую поставил от обезвоживания. Все в порядке, никаких проблем. И пакет с физраствором закончится еще не скоро.

– Вот Мэтт ведет себя уважительно. Постарайся быть больше похожей на Мэтта, Кэти, – Джереми широко улыбнулся и взмахом руки указал на молчаливое и неподвижное тело Мэтта, обмякшее на соседнем стуле.

Они оба прекрасно знают, что он попросту отключился во время прошлого визита Джереми – вероятнее всего, от шока. Кэти принялась громко подвывать, и Джереми закатил глаза. Сейчас она попросту испытывала его великодушие: отчаяние Кэти вызывало в нем лишь отвращение и ничего более.

Некоторое время Джереми тихо стоял напротив. Затем потянулся через темноту к радио, расположенному ровно между двумя стульями, и нажал кнопку включения. Подвал наполнился мелодией Эдвина Коллинза – «Такая девушка, как ты», и Джереми улыбнулся сам себе. Наконец-то хоть один приятный звук.

– Так-то лучше, – и он начал покачиваться в такт музыке, предоставив Кэти еще один шанс взять себя в руки.

К концу первого куплета она начала безудержно рыдать. Джереми без раздумий схватил в руки плоскогубцы и одним быстрым движением вырвал отвратительно-розовый ноготь с большого пальца ее левой руки. Рывком приблизил к себе ее искривленное в рыданиях лицо – так близко, что они коснулись носами.

– Еще один звук, и я начну выдергивать зубы. Ясно?

Кэти смогла только кивнуть, но Джереми удовлетворился и этим. Он отбросил плоскогубцы в угол и, подмигнув, от-

правился вверх по лестнице.

В детстве Джереми жалость встречалась нечасто. Как и множество других вещей, если уж говорить начистоту. Его отец был мужчиной суровым, но справедливым, и приходя домой, он ожидал определенную степень подчинения и от жены, и от сына. Если Джереми удавалось поймать его в подходящем состоянии духа, отец с готовностью учил Джереми множеству полезных и интересных вещей. Он работал автомехаником, и хоть настоящего образования у него не было, Джереми всегда гордился тем, что его отец работает с самолетами и стремился хоть глазком посмотреть на величайшее творение человечества.

Но если момент был выбран неподходящий, Джереми ожидало жестокое наказание.

Несмотря на его непредсказуемость, Джереми каждый день с нетерпением ждал отца с работы. Они мало чем занимались вместе, но все же были моменты, которые Джереми ценил. После целого дня, проведенного наедине с матерью, он наслаждался уютной тишиной, повисшей в гостиной, пока они с отцом смотрели телевизор перед сном. Дни Джереми обычно были наполнены пренебрежением и игнорированием, сдобренным редким проявлением внимания от матери – таким бурным, что это было даже чересчур. Казалось, она не может контролировать свои чувства – их было то слишком мало, то слишком много.

Внимание Джереми всецело занимали книги – его надеж-

ное убежище от непредсказуемого поведения родителей. В семь лет он все еще не учился в школе. Но насколько бы невнимательной не была его мать, каждые несколько дней она водила его в библиотеку, что стояла на авеню Святого Чарльза. Они всегда ходили туда по рабочим дням, пока отец был занят на работе. В то время Джереми еще не понимал, что его мать таскает его в библиотеку с единственной целью – у нее была интрижка с одним из библиотекарей. Так или иначе, он превосходно усвоил преподанные ей уроки коварства и обмана. Он быстро выучил, что никогда нельзя говорить отцу, что мать оставляет его одного шататься туда-сюда вдоль книжных полок, а сама в это время уходит в подсобку вместе с мистером Кэрравеем. И еще важнее: он научился красть, и научился он этому сам. Джереми приносил домой книги, тайком сунутые под пальто или в рюкзак – нельзя было рассчитывать, что мать согласится расписаться для него в формуляре. Сейчас Джереми понимал, что работники библиотеки, скорее всего, просто из жалости отводили взгляд в сторону, позволяя ему брать, что хочет, но в то время он чувствовал себя так, словно только что провернул ограбление банка.

Иногда мисс Нокс – одна из библиотекарейш – пробовала с ним поговорить. Как-то раз она даже набралась смелости спросить, все ли у него в порядке дома – и голос у нее дрожал от беспокойства. Джереми не ответил. Вместо этого он попросил у нее книгу по лоботомии. Недавно он ознакомил-

ся с этой архаичной медицинской практикой и с ее самым ярким поклонником – доктором Вальтером Фриманом. На выходных его отец смотрел повтор одной из серий «Фронтлайна», «Сломанные умы». Рассказывалось в ней о жестокости психиатрической медицины, и особенное внимание уделялось лоботомии: методу, которому подвергали пациентов, диагностированных такими тяжелыми заболеваниями, как, например, шизофрения. Врачи одним точным разрезом отсекали от мозга тот участок, который, как они считали, был ответственен за атипичное поведение.

Больше всего Джереми покорила методика префронтальной лоботомии доктора Фримена. Джереми помнил, как про это шутили: «лоботомия ножом для колки льда». Невероятно провокативное название, которое вызывало в его воображении образ: хирург в безупречно чистом халате, одержимый желанием исследовать психически больной разум. Позже, в 1992 году, он услышал, как небрежно в новостях рассказывают о так называемой «лоботомии», которую серийный убийца Джефффри Дамер использовал, чтобы подчинить себе своих жертв. Джереми тогда почувствовал отвращение. Дамер был настолько клиническим идиотом, что думал, будто сможет создать послушного зомби, вводя в мозг жертвы чистящее средство и кислоту. Он был имбецилом, а называть это «лоботомией» – это все равно что говорить, что Тед Банди просто «ходил на свидания». Джереми практически видел, как доктор Фриман вращается в своем гробу.

Джереми был ребенком, жаждущим знаний. И поскольку эту потребность никто не удовлетворял, он подкормил свой голод с помощью собственных экспериментов. Совет его отца, услышанный в далеком детстве, эхом отзывался в его ушах всю жизнь.

– Хочешь узнать что-нибудь новое, сынок? Вскрой это.

Глава вторая

Несмотря на ранний час, воздух Луизианны казался густым, словно патока. Судмедэксперт, доктор Рен Мюллер, сонно моргая, вылезла из машины в душную ночь. Она покосилась на часы и поморщилась, раздумывая, как было бы хорошо, если бы преступники хоть на пару месяцев перестали совершать свои грязные дела в два часа ночи.

Она прошла сквозь густую, влажную траву и встала на выступающие корни голого кипариса, растущего неподалеку. Его ствол испещряли многочисленные борозды и канавки, и казалось, что они вот-вот распахнутся пошире и заглотят ее целиком, выпустив откуда не возьмись длинные суставчатые руки. Она отвела взгляд от дерева, так напоминающее ей полузабытое мифическое существо, и постояла немного, чтобы позволить глазам привыкнуть к искусственному свету, сияющему чуть впереди. Лучи фонарей трех полицейских указывали на что-то, лежащее у берега. Разрезая тьму, они отбрасывали густые черные тени. Рен нравился такой резкий контраст. Помогает лучше сосредоточиться на сцене преступления.

Почти полностью обнаженное тело женщины лежало у самой границы воды, и над ней колыхалась высокая трава, росшая вдоль берега. Женщина лежала лицом вверх, и голова и плечи у нее были погружены в мутную темную воду. Вы-

сокая, вес средний. Рен оглянулась через плечо – ее помощники семенили где-то позади, таща с собой носилки. Даже втроем им будет непросто забрать тело у этого зловещего залива.

Всего две недели назад детективы нашли разлагающийся труп еще одной молодой женщины, лежащий за баром «Двенадцать миль в час». Она лежала лицом вниз в луже, вымокшая в пахнущей болотом воде. Рен сразу увидела в этих двух делах схожие черты, и на нее нахлынуло дурное предчувствие, которое ей пришлось подавить. Каждое тело следует осматривать беспристрастно, ничего заранее не ожидая, и этому правилу Рен следовала неукоснительно. Но даже сейчас, полностью сфокусировавшись на уникальном случае Джейн Доу, Рен сделала себе мысленную пометку: проверить, не спрятал ли убийца что-нибудь на теле. У предыдущей жертвы, найденной две недели назад, в глотке нашлось несколько смятых страниц, вырванных из книги. Они были пропитаны водой и почти нечитаемы, но на одной странице все же можно было разобрать: «Глава седьмая».

Рен осторожно подошла поближе. Рубашки у Джейн Доу не было, только грязные обрезанные шорты из джинсовой ткани и голубой лифчик. На животе у нее был глубокий горизонтальный разрез: женщину практически выпотрошили каким-то довольно тупым предметом.

Почему-то Рен не могла избавиться от мысли: как, должно быть, оглушительно стрекотали цикады в день ее смер-

ти. Сейчас-то они точно стрекотали, и делали это изо всех сил, пока усталая команда судмедэкспертизы пыталась понять, как прошли последние мгновения жизни Джейн Доу. Смаковал ли убийца ее последний вздох, пока тащил безжизненное тело к берегу, чтобы оставить его разлагаться в реке? Такие запретные, извращенные мысли всегда завораживали Рен. Но мысли о смерти завораживали ее еще больше.

Она перевела взгляд на тело и заметила плетеный браслет на левом запястье Джейн Доу. Изначально он, должно быть, был белым, но теперь выглядел изрядно изношенным и отжившим свое. Рен представила себе, как Джейн покупает это невинное украшение. Живо вообразила, как она вертит его в руках, примеривается, и только потом решает купить. Импульсивная покупка из дешевого магазинчика, теперь по-смертно запечатленная в истории.

Рен сама не заметила, как сделала несколько шагов к телу. Коллеги помогли вытянуть жертву подальше на мокрый берег. Медленно и аккуратно вытащили из воды голову, чтобы получше рассмотреть лицо: по нему уже заметно расплзлись трупные пятна. Когда сердце остановилось, прекратив толкать кровь по кровеносным сосудам, свернувшаяся кровь начала течь туда, куда ей велела гравитация, и прилила к лицу, оставив яркие пятна на щеках и лбу. Свет был тусклым, но Рен почти с уверенностью могла сказать, что пятна ярко-розового цвета – а значит, жертва умерла не меньше десяти часов назад. Цвета тканей начинают изменяться спустя

около получаса после смерти, но заметить это можно только через два-три часа. Только через шесть часов после смерти трупные пятна становятся темно-розового цвета, легко различимые даже для неопытного взгляда. А после двенадцати часов с момента смерти они становятся наиболее яркими – и больше уже никак не изменятся.

Когда Рен перестала рассматривать лицо Джейн Доу, замершее в выражении вечного ужаса, и опустила взгляд ниже, то заметила яркие синяки на шее. Явное свидетельство удушья. Рен отметила это у себя в блокноте – чтобы потом, когда вернется в морг, не забыть рассмотреть получше – и, надев фиолетовые латексные перчатки, пробежалась пальцами по глубоким отметинам, избородившим шею жертвы.

Затем она ощупала карманы Джейн Доу, выискивая очертания чего-нибудь выпирающего или острого. Удивительно, сколько раз она хвалила себя за этот маленький дополнительный шаг, когда таким образом нащупывала шприц и тем самым оберегала себя от поездки в больницу. В этот раз в карманах ничего подозрительного не обнаружилось, и Рен безбоязненно запустила руку внутрь – пусто. На теле ничего не было.

– Нашли еще что-нибудь? Кошелек, например? – спросила Рен, заранее зная ответ. Она подняла взгляд на трех полицейских, стоящих с фонариками наперевес, и те подтвердили ее догадку: все трое отрицательно помотали головами.

Молодой парень, стоящий справа, легкомысленно пома-

хал фонариком, и его луч хаотично заметался по берегу.

– Мы видим то же, что и вы. Ни кошелька, ни документов, ни орудия преступления.

Рен не понравилось его поведение, но она просто кивнула и вновь занялась Джейн Доу. Вскоре она обнаружила на ее бицепсе старую, уже выцветшую татуировку, изображающую сложенные в молитве ладони, вокруг которых обвивались бусины четок.

– Передайте камеру, – сказала Рен и не глядя протянула руку. Один из помощников – новичок – поспешно извлек камеру из сумки и так рьяно кинулся ее передавать, что чуть не упал. Рен сделала пару снимков татуировки, а затем проверила, нет ли на теле других отметок.

– Когда доберемся до морга, сможем сделать фотографии получше, но перед этим всегда полезно снять как можно больше снимков. Никогда не знаешь, что может случиться, пока мы перевозим тело. А поскольку никаких документов у нее нет, для опознания нам пригодится любая информация, иначе она застрянет в морге на долгие месяцы, – объяснила она новичку, отдавая назад камеру. Затем Рен хрустнула пальцами. Ужасная привычка, да, но какая уж есть. – Хорошо, как мы определим время смерти?

Рен перевела взгляд на двух своих самых юных подопечных, и их лица тут же смертельно побледнели.

Первый решил тут же изложить все, что он знает.

– Ну, э-э, трупные пятна...

Он указал на красное лицо Джейн Доу. Рен криво улыбнулась и кивнула.

– Да, это мы видим. Как насчет менее очевидного метода?

Рен знала, что он умен. Пока еще не так расторопен, как хотелось бы, но знает, что нужно делать. А скорость придет со временем. Скоро ему даже задумываться не надо будет над тем, что он делает – будь то работа на месте преступления или в секционной морга.

Он нервно провел рукой по темным волосам и предположил:

– Ректальная температура?

Рен показала ему большой палец, но затем состроила гримасу и покачала головой.

– Инстинкты у тебя хорошие. Если бы речь шла о среде с постоянной температурой, это был бы прекрасный ответ. Но к сожалению, мы даже мечтать не можем, чтобы температура все это время оставалась на отметке в двадцать семь градусов, – она кивнула на носилки и скомандовала, – Откройте мешок. Пора ее отсюда вытаскивать.

Пока ее помощники разворачивали белый мешок для трупов, Рен продолжила:

– Насчет трупных пятен ты был прав. Они уже достигли своей полной величины, а значит, прошло не меньше двадцати часов. Возьмите ее за руки.

К телу приблизились двое помощников, взяли Джейн Доу каждый за свою руку.

– Попробуйте подвигать, – велела Рен. Конечности Джейн не поддались ни на йоту.

– Ничего себе она окоченела, – заметил новичок.

Рен подтянула латексные перчатки повыше.

– Именно. Тело полностью окоченело. А что значит, когда трупное окоченение еще не успело спастись?

Полицейские явно раздражались все больше и больше: они вздыхали и трагически поднимали глаза к небу, словно у них посреди ночи были еще какие-то невероятно важные дела. Рен эта сцена совершенно не тронула. Если уж она застряла в три часа утра посреди болота с мертвой женщиной, она, по крайней мере, воспользуется случаем, чтобы потренировать новичков.

Ближайший к ней помощник поднялся на ноги и отряхнул брюки.

– Ну, значит, прошло около двадцати четырех часов. А может, и больше – с таким типом окоченения срок может быть увеличен вплоть до тридцати часов.

Молодчина.

Его растущая уверенность порадовала Рен. Учитывая, как она загружена работой, ей всегда пригодится помощь человека, хорошо знающего свое дело.

– Бинго. И смотри, что у нас тут, – она указала на выющихся в воздухе черных мух, от которых они отмахивались все это время. – Здесь, конечно, целая куча разных насекомых, но нас интересуют именно они. Это калифориды, падаль-

ные мухи. Они первыми налетают на свежий труп и откладывают яйца, которые затем вылупляются в личинок. На этом теле личинки еще не вывелись, но готова поспорить, яйца они отложить уже успели. И это тоже укладывается в установленный нами временной срок. Похоже даже, что убийца мог избавиться от тела прямо посреди дня. Кажется, мы имеем дело с тем еще наглым ублюдком.

Новички старательно изображали увлеченных слушателей, но по тому, как они переминались с ноги на ногу, покачиваясь взад-вперед, чтобы не уснуть, Рен догадалась, что на сегодня аудитория была безвозвратно утеряна. Но не успели они уйти, как молодой полицейский позвал их откуда-то из-за деревьев.

– Эй! – воскликнул он, наставляя луч фонарика куда-то на землю. – Тут какая-то одежда!

Рен не удалось сдержать ухмылку.

– А ведь кое-кто утверждал, что тут ничего нет, – едко сказала она. Полицейские окинули ее возмущенными взглядами и поспешили к деревьям. Рен последовала за ними, взмахом руки велев помощникам заняться телом.

Когда они подошли к обнаружившему находку полицейскому, Рен тут же заметила то, что так привлекло его внимание. Под кустом лежала аккуратно сложенная грязная футболка желтого цвета, а сверху на ней стояла пара черных босоножек. Они сделали фотографию, и затем полицейские принялись упаковывать вещи в пакеты для улик. Когда фут-

болку развернули, на землю с глухим стуком упало что-то тяжелое.

– Это книга? – Рен присела рядом и надавила кнопку собственного небольшого фонарика.

На обложке было мелким шрифтом выведено: «Упыри». При ближайшем рассмотрении оказалось, что это сборник ужасов.

Кто-то щелкнул фотоаппаратом, делая еще один снимок, и Рен поднялась на ноги с книгой в руках. Она еще немного повертела ее, а затем показала стоявшему напротив полицейскому.

– Когда-нибудь слышали такое название?

Все покачали головами. Полицейский протянул руку, чтобы забрать книгу.

– Думаете, это книга Доу? – ни к кому в особенности не обращаясь, спросил он, бездумно переворачивая страницы.

– Полагаю, скоро мы узнаем, – ответила Рен, и он убрал книгу в пакет к остальным уликам.

Рен повернулась на каблуках, с трудом выдернула ноги из влажной оседающей почвы, издавшей глухой «чавк», и вернулась обратно к месту преступления. Там она помогла помощникам погрузить Джейн Доу в мешок и положить на носилки. Затем она еще раз сделала заметку насчет цвета трупных пятен и стянула перчатки: в другом освещении пятна показались ей еще более яркими.

Потом они все отправились к фургону, осторожно неся с

собой носилки. Рен открыла задние двери и осталась стоять, наблюдая, как ее команда медленно бредет через покрытую кочками болотистую местность. Мысль об еще одном неопознанном теле в морге приводила Рен в тихий ужас.

– Кто же сегодня не дождется тебя ночью? – тихо спросила она, смотря, как мимо проплывает Джейн Доу.

Стоящий рядом полицейский издал смешок.

– И что, труп хоть раз вам ответил? – насмешливо поинтересовался он.

Рен взглянула ему в прямо глаза, прежде чем захлопнуть дверь фургона и отправиться к водительской двери.

– Вы удивитесь, сколько секретов мне открыли мертвецы.

Глава третья

Утро – это приятно. По утрам Джереми страстно желал выпить чашечку крепкого кофе и, разумеется, как следует позавтракать. Дни у него были обычно хаотичные и непредсказуемые, и перерывы на обед он часто проводил, занимаясь исследованиями, так что ему не всегда удавалось выкроить время на полноценный прием пищи. Он поднял взгляд на маленький телевизор, стоящий на кухонной стойке. Там показывали новости: уже вторую неделю освещают историю о двух заключенных, сбежавших из тюрьмы Клинтон. Это в Даннеморе, штат Нью-Йорк. Даже здесь, в Луизиане, люди были очарованы историей о влюбленном тюремном работнике, который помог двум осужденным убийцам сбежать из-под стражи. Прямо-таки «Побег из Шоушенка».

Пока Джереми смотрел телевизор, он успел пожарить себе на завтрак яичницу и сосиску из индейки. Раньше он думал о том, чтобы стать вегетарианцем – по соображениям здоровья – но так и не смог найти достаточное количество аргументов. Да, Джереми уважал животных больше, чем большинство представителей собственного вида, но по большей части из-за их способности выживать в мире почти сразу же после появления на свет. Эмпатия здесь не причем, а потому у Джереми не было настоящей потребности ограничивать себя. Конечно, протеин можно получить и другими способа-

ми, но съесть сосиску – самый простой выход.

Помыв за собой тарелку, он спустился вниз, чтобы проверить гостей.

Кэти заметно притихла.

Наверное, ей нравились ее торчащие зубы, решил Джереми.

Левая рука Кэти была покрыта запекшейся кровью: ей залита и ножка стула, и пол. Кэти сидела, сжавшись, словно пытаясь спрятаться, и это вызвало у Джереми немедленное желание потревожить ее покой. К сожалению, он уже опаздывал, и времени на развлечения у него нет.

Так что он просто подмигнул. Тут его заметил Мэтт: он тут же впал в подпитываемый тестостероном приступ ярости, начал изрыгать проклятья и ожесточенно дергаться, пытаясь высвободиться из сковывающих его цепей. Джереми заметил, что Мэтт всю ночь пытался сдвинуть с места свой вмонтированный в пол стул, но все, что ему удалось сделать – это немного поцарапать деревянную ножку. Стулья были вмонтированы прямо в фундамент уже много лет назад. Их и бульдозером не сдвинешь. Джереми осмотрительный человек, поэтому несколько секунд он все-таки размышлял, какой был у Мэтта план: чудесным образом опрокинуть стул? Потом он мысленно отмахнулся от этих мыслей, решая не тратить время. Мэтт был слишком туп, чтобы с ним тягаться, и к тому же, он слабел день ото дня.

Джереми проверил капельницы и начал наполнять их за-

ново, пока Мэтт изо всех сил корчил из себя крутого парня.

– Я тебя выпотрошу нахрен, ссыкло ты гребаное! – орал он, брызгая на Джереми слюной.

Джереми подумал о том, как чудесно клещи подошли бы к передним зубам Мэтта, но идею пришлось с сожалением отместить: у него не было другой чистой выглаженной рубашки, чтобы переодеться после. Кроме того, сложно чувствовать что-то кроме отвращения к человеку, который сидит в луже собственной мочи и все еще использует слова вроде «ссыкло».

Вместо этого он грубо обхватил лицо Мэтта и поцеловал: глубоко, с языком, а затем со звучным «хрясть!» сжал зубы на его нижней губе. Иногда Джереми позволял себе поддаться гедонистическим инстинктам, и почти никогда об этом не жалел.

– Ты пришел сюда добровольно. Не забывай, – проговорил он низким рычащим голосом. Рот Мэтта наполняется кровью.

Мэтт сплюнул и начал орать что-то уже абсолютно бессвязное, а Кэти принялась тихо всхлипывать. Джереми только улыбнулся в ответ и отправился наверх, на ходу вытирая кровь с губ. В коридоре он кинул последний быстрый взгляд в зеркало, поправил выбившуюся прядь светлых волос, и вышел из дома.

Его ежедневная работа – это ввод данных и выставление счетов для складских и логистических компаний. Ощущалось это точно так же скучно и бессмысленно, как и звучало, и Джереми ненавидел то, что ему приходится тратить большую часть своей недели, извергая в компьютер набор цифр.

Он зашел в вестибюль «Ловетт Логистикс». Дверь за спиной закрылась, разом отрезав его от душного, плотного уличного воздуха. Идти по автостоянке летом в Луизиане – это все равно что пробираться через теплое масло. Так же тяжело, влажно, угнетающе. Оказавшись внутри, Джереми сразу ощутил, как его тело изо всех сил пытается привыкнуть к холодному воздуху, дующему со всех сторон. Включенный на полную мощь кондиционер, отвисшие челюсти сотрудников компании, осознание того, что следующие несколько часов он неизбежно проведет в этой человеческой чашке Петри – все это вызывало у Джереми ужас. Он полез в свою сумку и вдруг осознал, что забыл пропуск – спасибо Кэти, отвлекшей его вчера вечером.

С тихим вздохом Джереми направился к женщине, сидящей за стойкой. Она была немного полновата, с руками, напоминающими Джереми о жирной, хрустящей куриной кожице, и она вечно носила платья и блузки без рукавов. Ее круглое лицо было обрамлено обесцвеченными, неесте-

ственно светлыми волосами с темными корнями. Джереми никогда не задумывался, какого цвета у нее глаза, потому что она использовала такое количество косметики, что смотреть ей в лицо было тошно. Сегодня он заметил зеленые тени для век: словно в глазницах у нее поселилась плесень, и теперь она медленно расширяет свой ареал обитания и вот-вот захватит остальную часть пухлого лица. Как обычно, она что-то листала в своем телефоне – без сомнения, проверяла письма с оскорбительными предложениями, которыми ее заваливали дикари в очередном приложении для знакомств, где она надеялась найти свою вторую половинку.

– Тебе чем-нибудь помочь, Джереми? – спросила она.

Он поморщился, когда его окликнули – сам Джереми взял за правило не захламлять свою память сведениями об ее имени. Он натянул на лицо дружелюбную улыбку и облокотился на стол.

– Будь ангелом, открой мне дверь, – попросил он и небрежно указал на сумку. – Я забыл свой пропуск, а мне прямо не терпится приняться за работу.

Она громко рассмеялась, прикрыв рот рукой, словно это могло ей помочь выглядеть как леди. Джереми подавил рвотный позыв и заставил себя испустить смешок. Она улыбнулась и вдавила кнопку длинным искусственным ногтем.

– Будешь должен, – сказала она, подмигивая.

– Ни черта я тебе не должен, – холодно ответил Джереми, покидая вестибюль. Скорее всего, она решит, что это была

шутка.

Впрочем, Джереми было плевать.

Глава четвертая

Рен опустила на глаза защитный щиток и молча рассматривала тело, лежащее перед ней на ледяном столике секционной. Женщина посмотрела на нее в ответ одним только глазом, виднеющимся из-под полуопущенного века. Даже сквозь эту крохотную щелочку в нем читался смертельный ужас.

Ее пропитанную водой одежду уже успели сфотографировать и снять. Теперь криминалисты тщательно искали на ней волосы, человеческие ткани, да что угодно, что поможет найти чудовище, которое это совершило. Рен осторожно ощупала тело, ища признаки сломанных костей, отдельно отметила петехиальные кровоизлияния, видимые на ее лице даже несмотря на то, что кожу уже тронули следы гниения. Солнце Луизианны жестоко даже к живым людям, а уж от мертвых оно не оставляет и мокрого места. Рен решила, что жертва провела на улице около суток – об этом свидетельствовало легкое вздутие трупа и отсутствие сильного разложения.

Она отметила и синяки на горле Джейн Доу: на коже были видны отпечатки множества борозд, кольцом обхватывающих шею. К причине смерти, впрочем, они отношения не имели. Даже если забыть про рану на животе, которая, Рен готова поспорить, была смертельной, на шее могли появиться синяки, только если кровь все еще свободно текла по телу,

а сердце – билось. Бедную девочку раз за разом душили, не собираясь убивать. Маньяк попросту наслаждался этим жестоким развлечением, и наслаждался долго, пока наконец не избавил Джейн Доу от страданий – причем одним из самых болезненных способов.

Рана на животе была длинная, глубокая, с рваными краями. Внутри запеклась кровь, а значит, убийца нанес удар, пока жертва еще была жива. Если учитывать трупное окоченение, которое еще сковывало мускулы, и температуру внутри печени, то время смерти ориентировочно наступило тридцать шесть часов назад. Вот только трупные пятна, которые Рен отметила еще на месте преступления, указывали на другое время. Она ожидала, что они будут глубокого красного, синего или фиолетового цвета, но при ярком свете стало хорошо видно – пятна ярко-розовые.

Рен нахмурилась из-за этого несоответствия, но решила пока что просто продолжить обследование. Трупные пятна могут помочь не только определить время смерти – по ним также можно понять, перемещали ли тело после убийства. Тело жертвы, лежащей перед ней на столе, определенно перемещали. На правой части бедра, лица и правой руке виднелись яркие розовые пятна – жертва лежала на правом боку какое-то время после смерти. Трупные пятна, хоть и более слабые, заметны и на поясице и лопатках – в какой-то момент она лежала на спине. Учитывая насыщенность цвета пятен на правой части ее тела, можно смело предполагать,

что жертва умерла, лежа на правом боку, а позднее ее перевернули на спину. Все эти детали хорошо стыковались между собой, словно идеально подогнанный пазл – вот только цвет трупных пятен заставлял Рен задуматься.

В секционную вошел детектив Джон Леруа, на ходу натягивая на лицо маску, а на руки – латексные перчатки. Его квадратные челюсти были крепко сжаты, а в глубоких голубых глазах – единственной части лица, видимой из-под маски – застыл немой вопрос.

Рен кинула на него один только короткий взгляд. После стольких лет работы вместе она легко могла прочитать его за считанные мгновения: Джон слишком давно не отдыхал и надеется получить ответы на вопросы.

– Скажи, что у тебя хоть что-то для меня есть, Мюллер, – сказал он. Потом поправил ремень и упер руки в бедра.

Рен еще немного подумала, затем подняла голову.

– Он ее заморозил.

Глава пятая

Заняв место за своим рабочим столом, Джереми включил экран компьютера, поставил перед собой чашку с кофе, рядом – положил телефон. Рабочие дни он предпочитал начинать с чтения новостных сайтов. Сегодня его внимание привлек заголовок на главной странице «Пикаюн-Таймс». Он гласил: «Полиция Орлеанского округа не оставляет попытки найти пропавших без вести мужчину и женщину, пока их друзья продолжают траурное шествие». Джереми с трудом сдержал смех. Траурные шествия его всегда завораживали.

Какой толк от ваших свечек и фотографий, пока Кэти и Мэтт страдают в моем подвале?

Джереми был уверен – эти так называемые «друзья», скорбными глазами смотрящие на него со страницы сайта, на самом деле только рады, что их лица напечатали на первой полосе газет. У всех есть свой мотив. То, с какой готовностью они хвастаются своей потерей, ясно говорит – эти люди просто грелись в лучах славы, чтобы удовлетворить собственную отвратительную потребность во внимании. Джереми просмотрел остальную часть статьи, в которой детально описывалась настоятельная необходимость отыскать этих двух светочей генофонда.

– Охренеть как страшно, да? – влез его коллега Кори. Он облокотился локтем на перегородку, разделяющую их сто-

лы, и отпил свой кофе. – Эти двое закончат так же, как и остальные. Сходство игнорировать просто невозможно. Как только он заканчивает с одним – в считанные дни похищает кого-нибудь другого. Ты ведь слышал, что они вроде как нашли еще одну пропавшую девушку? – Кори покачал головой и сделал еще один глоток. В целом, он даже прав. Джереми занимался этим всем уже какое-то время, и на его счету было шесть похищенных жертв. Обычно он поступал именно так, как сказал Кори: как только ему надоедала одна жертва, отправляется за следующей. Сейчас – первый раз, когда его гости на какое-то время пересеклись. Когда Кэти и Мэтт прибыли в его дом, Меган была еще жива. Это не входило в его планы, и это было рискованно, но иногда, когда ты встречаешь правильных людей, импровизация необходима.

Меган была грустным, отчаянным существом. Джереми встретил ее в баре в прошлый четверг и сумел убедить уйти вместе с ним. Она была громкой, заносчивой и буйной, и она начала раздражать его тут же, как только открыла рот. Джереми помнил, как в какой-то момент она вопила в подвале, обзывая его «маменькиным сынком». Это повергло его в ярость – такую сильную, что поддайся он ей, то неизбежно потерял бы ясность мысли. Он мог бы даже потерять самообладание и совершить непростительную ошибку. Это возмущало его в Меган больше всего – то, что она чуть не заставила его потерять спокойствие, а вместе с этим – и свободу.

Несколько дней он потратил, пытаясь сломить Меган. Он

отслеживал ее психологическое состояние, пока она гадала, какой день, какой час, какая минута станут для нее последними. А после нескольких дней это игры Джереми спустился в подвал в ледяном молчании. Его внезапная неразговорчивость должна была послужить предвестием случившегося, но Меган все еще была изумлена, когда он воткнул нож ей в живот. Он с силой потянул нож вниз, расширяя рану, и смотрел, как Меган извивается от боли на бетонном полу. Он выбрал этот способ специально. Ранение в живот – вещь страшная. Желчь и желудочная кислота вытекают из поврежденных органов, и жертва медленно травится своими собственными телесными жидкостями.

Это был вечер воскресенья, через день после того, как прибыли Кэти и Мэтт. Тело Меган нашли сегодня утром. Мельком Джереми слышал об этом по радио, но никаких подробностей еще не объявляли. Он не нервничал. Он всегда очень тщательно следил за тем, чтобы не оставить на теле никаких улик. Джереми даже избавился от рыболовной лески и электрического шнура, которые использовал, чтобы души Меган в одной из своих игр. Просто на всякий случай.

Изначально Джереми не ставил перед собой цель выработать модус операнди, но так уж вышло, что обычно он выбирал людей лет двадцати-тридцати, с которыми встречался в барах или ночных клубах. Однако он каждый раз убивал по-новому, позволяя своему любопытству выбирать за него. И, конечно, еще была болотная вода. После того, как нашли

четвертую жертву, Джереми наградили кличкой, связанной с его любовью оставлять тела жертв в вонючей болотной воде у всех на виду. Пресса прозвала его Болотным Мясником, и хоть сначала Джереми не возражал, вскоре он нашел это прозвище скучным и надоедливым. А потом ему надоело из раза в раз делать одно и то же. И это не говоря уже о том, что если он станет предсказуемым, то поймать его будет проще. Так что сейчас Джереми был готов презентовать миру свое новое блюдо.

Джереми вырвался из охватившей его задумчивости и повернулся на стуле, чтобы взглянуть на Кори.

– Думаешь? – спросил он.

Кори хмыкнул и протянул руку, чтобы указать на строчку в статье, где было указано, сколько времени назад пропали Кэти и Мэтт.

– Еще бы. Эти два идиота пропали почти неделю назад. С ними уже покончено. Скоро их выловят из болотной грязи, вот увидишь.

Джереми не смог сдержать улыбки. Это приятно – слышать, как кто-то точно так же уверен в неизбежной судьбе его гостей, как и он сам.

– Наверное, ты прав, приятель. Ну, по крайней мере, если их найдут, это положит конец всем этим свечам и молитвам. Терпеть не могу этих гоняющихся за известностью шлюх, отчаянно добывающихся внимания съемочной группы, – заметил Джереми, проверяя, до каких пределов распространяет-

ся безразличие Кори.

Тот издал смешок, слегка подался вперед и закивал.

– Святые слова! – воскликнул он. – Готов поспорить, к выходным эти ребята станут кормом для червей.

Кори почти попал в точку, и Джереми это заставило почувствовать себя чуточку разочарованным.

– Ладно, на меня уже смотрят. Пойду отрабатывать зарплату, – закатил глаза Кори. Джереми заметил, что на них и в самом деле пристально смотрит менеджер, явно наслаждаясь тем скудным количеством власти, которое он имел в этом кабинетном царстве. – Чуть не забыл, – Кори постучал в перегородку, снова привлекая внимание Джереми. – В субботу у меня в баре будет выступление. Заходи, если будешь свободен. Чем больше людей – тем мне лучше.

Джереми кивнул.

– Конечно, приятель. Постараюсь заглянуть. Удачи.

И на этом Кори поспешил к своему собственному столу, и Джереми ничего не оставалось, кроме как приняться за работу.

Глава шестая

Рен пребывала в раздражении. Неопознанные тела в море невероятно ее злили: по большей части из-за невротической потребности закончить любое начатое дело и вычеркнуть его наконец из своего списка. Ей не нравилось, когда у нее оставалась неоконченная работа – особенно, когда она напоминала о себе каждый раз, когда Рен открывала дверцу морозильного отделения.

Но дело было не только в этом. Джейн Доу, казалось, приносили с собой глубокую печаль. Рен видела их по ночам, когда закрывала глаза. Она слышала, как они просят дать им имя, составить эпилог к их жизням. Рен не могла избавиться от ужаса, приходящего с осознанием того, что человек, кому-то важный и любимый, лежит в безымянном мешке для трупов. Одиночество Доу преследовало ее. Нет ничего хуже того, чем когда тебя забывают. Для Рен стало делом всей жизни не позволить Доу – ни мужчинам, ни женщинам – слишком долго оставаться ненужными и позабытыми.

Леруа пробежался затянутыми в перчатку пальцами по розовым трупным пятнам, растянувшимся вдоль правой руки Доу, и взглянул на Рен.

– Значит, он пытался сделать так, чтобы ты напортачила с установлением времени смерти, – он скорее утверждал, чем спрашивал.

Рен не отрывала взгляда от мертвой женщины.

– Пытался... И довольно успешно, – ответила она. Затем рассеянно покачала головой и повернулась, чтобы прикрепить к ручке скальпеля новое лезвие.

– Как-то очень странно с его стороны – так тебе мешать, не находишь? Как много из этих идиотов вообще знает, как именно ты определяешь время смерти?

Рен ничего не ответила. Вместо этого она сделала надрез, начиная вскрытие, и сердито потрясла головой. Леруа испустил смешок, сделал шаг назад и поправил маску.

– Уверен, его единственной целью было помешать судебному медэксперту выполнять свою работу, – пошутил он, склонив голову набок. – Ты как-то слишком хорошо об этом парне думаешь. По моему опыту они все просто идиоты в волчьих шкурах.

Рен перестала резать и наградила Леруа раздраженным взглядом.

– Я не говорила, что это было его единственной целью. Мне просто не нравится, когда мои умения пытается проверить какой-то бесхребетный мудака, считающий себя новым Ганнибалом Лектером.

Она достала инструмент, напоминающий ножницы для стрижки кустов, и принялась вскрывать ребра – снизу и до самых ключиц. Это трудная работа, но она приносит удовлетворение, особенно когда ребра со звучным «щелк!» ломаются пополам. Идеальное занятие, когда чувствуешь раздра-

жение и фрустрацию. Чтобы расколоть плотную ключичную кость, Рен потребовалось дополнительное усилие, но в данный момент ей это было только на руку.

– Что ж, тогда тебе не понравится то, что я сейчас скажу, – Леруа отступил в сторону, позволив ей перейти к левой части грудной клетки.

Рен застонала, но занятия своего не прервала.

– Давай уже, – прошипела она под аккомпанемент треска ломающихся костей.

Леруа сбросил звонок, поступивший ему на мобильный телефон, и облокотился на стойку.

– Мы почти уверены, что имеем дело с серийным убийцей.

– Да ну?! – вскричала Рен с фальшивым недоверием. Леруа молча бросил на ее ледяной взгляд. – Я и сама могла бы тебе это сказать, Джон. Где мой значок детектива? – Рен закатила глаза. На губах у нее заиграла усмешка.

Леруа раздраженно прикрыл веки.

– Ладно-ладно. Это не главная новость, Мюллер, – он обошел стол кругом и подался вперед. – Этот потенциальный серийный убийца оставляет подсказки о том, где появится следующее тело. Мы думаем, что у нас есть зацепка к следующему месту преступления, но до конца мы еще ее не расшифровали.

– Вот тут тебе придется объяснить поподробнее, приятель, – Рен повернулась к нему и склонила голову набок.

– Притормози, Мюллер. Мы еще не до конца уверены. Но судя по всему, весь тот мусор, что он оставляет на телах жертв – это его способ сказать нам, где он в следующий раз избавится от тела. Взять хотя бы прошлую жертву, найденную за баром «Двенадцать миль в час». Помнишь книжные листы, засунутые ей в глотку?

Рен остановилась и кивнула, побуждая его продолжить. Рядом с двумя последними найденными телами и в самом деле нашли странные предметы. У Рен эта театральность могла вызвать только презрительную усмешку. Что, просто убить ему недостаточно драматично? Он настолько хочет внимания, что ему приходится оформлять место преступления, словно сцену? Всегда все дело в контроле. Чудовище такого рода чувствует власть, когда заставляет всех остальных понять – он здесь главный. Впрочем, Рен понимала, что подобное поведение скорее говорит о неуверенности в себе.словно у человека, который рассказывает шутку, а потом полчаса объясняет, в чем была соль. Для таких людей невозможно просто позволить делам говорить самим за себя. И они идут на самые отчаянные меры. Подобные ходы использовали только самые жалкие убийцы, страдающие от навязчивого нарциссизма демоны во плоти, которым требовались неудержимые овалции.

Деннис Рейдер по кличке «ВТК»¹, который буйствовал в

¹ Американский серийный убийца, своих жертв связывал, пытал и убивал, от этого и получил прозвище ВТК, от *англ.* bind, torture, kill – связать, пытать,

семидесятих: он раз за разом выслеживал, избивал и убивал ни в чем не повинных женщин в их же собственных домах. Ему так хотелось добиться славы, что он сам звонил в полицию и указывал им на место преступления. Когда ему надоело просто дежурно признаваться в убийствах, он начал посылать в журналы письма и поэмы и оставлять по всему городу странные маленькие диорамы, пытаясь привлечь внимание полиции. В конце концов Рейдера сгубила его же собственная жажда славы. Ему так хотелось стать известным, что он начал забывать об элементарной осторожности и в конце концов совершенно искренне спросил полицию, смогут ли они отследить его, если им в руки попадет его дискета с записями. Полиция ответила, что не сможет, и он им поверил. Он думал, что он настолько могущественен и непогрешим, что даже полиция склонится перед его водевильными устремлениями. И он ошибался.

– В лаборатории смогли определить, что было написано на бумаге, по крайней мере, частично. Это была седьмая глава бульварного романа. Внимание, вопрос – в каком болоте мы нашли следующее тело?

– Топь Семи Сестер, – задумчиво произнесла Рен. – А это не слишком натянуто? Я согласна, звучит странно, но...

Леруа поднял указательный палец, прервав ее мысль.

– В книге, которую мы нашли на Топи Семи Сестер, вырвана одна глава. Седьмая. Та самая, которую нашли у про-

убить).

шлой жертвы.

Выглядел он очень довольным собой. Затем он указал на то, что когда-то было живой женщиной.

– И это еще не все. В ее одежде мы нашли кусочек бумаги. Сейчас мы пытаемся разобраться, на что указывает эта подсказка. Я попросил сделать копию и для тебя. Будет полезно, если кто-то посмотрит непредвзятым взглядом.

Он достал из кармана бумажку, развернул ее и положил на стойку перед Рен. Она стянула перчатки и внимательно изучила копию.

– Этот узор в виде геральдических лилий... – Рен наклонилась пониже и указала на узор, граничащий с краем скопированной бумажки. – Он был матовый или блестел?

– Вроде как блестел. Как там это слово? – Леруа зажмурился, пытаясь вспомнить, затем воздел палец к потолку. – Иридисцентный. Радужный такой. И рельефный.

Рен кивнула и продолжила изучать ксерокопию.

– А это что такое?

Леруа слегка подался вперед, чтобы посмотреть, на что она указывает.

– А, это копия библиотечной карточки из книги. Опять же, не помешает, если кто-то со стороны выскажет идеи.

– Филип Трюдо. Знакомое какое-то имя, – пробормотала Рен, уставившись на последнее имя, записанное в библиотечной карточке.

– Ну, к сожалению, это тупиковый след, – вздохнул Леруа,

обреченно взмахнув рукой.

– Ну да. Я, конечно, не криминальный детектив, но моя гражданская интуиция подсказывает, что вряд ли какой-нибудь преступник решит оставить свое имя и телефон на месте преступления.

– Да-да. Нашли мы этого Филипа Трюдо. Живет в Массачусетсе. Не был в Луизиане с тех пор, как окончил среднюю школу – а было это двадцать с лишним лет назад. А эта книга пропала из публичной библиотеки Лафайета примерно десять дней назад, – объяснил Леруа. Он взглянул на свой телефон и вздохнул еще раз. – Мне нужно ответить на звонок, а ты пока еще подумай.

И он поспешил к дверям морга. Рен положила ксерокопию на стойку позади себя и натянула на руки чистые перчатки. Затем она сняла верхнюю часть грудной клетки жертвы и взглянула на часы, висящие над дверью.

– Это будет долгая ночь, дорогая.

Глава седьмая

На часах было 5:08 вечера, когда Джереми собрал свои вещи и направился к двери.

– Суббота! – раздался крик Кори, летящий через море рабочих столов. Джереми прощально взмахнул рукой, дав понять, что услышал, но шага не сбавил. Вскоре он уже прошел мимо стойки в главном холле и оказался на парковке. Там Джереми тяжело выдохнул, ощущая, как почти сразу же его отпускает напряжение. Жизнь в офисе – то еще испытание.

Как только Джереми сел в машину, его немедленно придало тяжестью солнечного дня. Он потянулся к кнопке включения кондиционера, но это не принесло облегчения: теперь на Джереми со всех сторон обрушился горячий, спертый воздух. Немного помогло открытое окно: по крайней мере, теперь Джереми не задыхался. Кондиционер наконец-то подул холодным воздухом, и Джереми медленно задышал, контролируя вдохи и выдохи. Ему стало интересно – похоже ли ощущается, когда тебя душат? Короткий момент беспомощной, тошнотворной паники, за которой следует внезапное чувство облегчения.

Джереми, впрочем, облегчение ничуть не интересовало. Нет, его мысли всецело занимала только боль и способы ее причинить. Механика боли одновременно замысловата и до обыденности проста – фундаментальная дихотомия в дей-

ствии. Физиологически боль требует совершенной симфонии химических реакций. Каждое звено этой цепочки должно сработать строго в определенное время, чтобы ощущение стало реальным. Стимул посылает импульс по периферическому нервному волокну, и тот попадает в соматосенсорную кору головного мозга. Если же что-то прервет его путь, то ощущение будет утрачено. Для сравнения: запустить этот электрический импульс мог бы даже троглодит. Все, что для этого требуется – это тупой или же острый предмет в сочетании с физической силой.

Абсолютно захватывающе.

Джереми помнил первый раз, когда он увидел боль и опознал ее. Ему было лет семь, и он читал книгу в гостиной, в том самом доме, в котором он жил и поныне. Он перевернул страницу и услышал знакомый звук: это машина его отца остановилась на подъездной дорожке. Дверь открылась, а затем хлопнула с такой силой, что было ясно: отец на взводе. Джереми слышал, как он бормочет что-то себе под нос, шипя и ругаясь, пока шаркает к своему сараю.

Джереми подскочил и побежал на улицу, чтобы посмотреть, что происходит. Тогда он и услышал новый, незнакомый ему звук. Он исходил из багажника отцовского пикапа, и звук этот был полон агонии. Поначалу Джереми показалось, что там лежит раненый ребенок: настолько человеческим и страдающим был этот плач, эти подвывания, сопровождаемые тихими, болезненными стонами. Звук этот одно-

временно завораживал и отталкивал, и Джереми наполнило странное предвосхищение, охватившее каждую клеточку его тела. Летняя жара навалилась на него, как тяжелое одеяло: зловещая, будящая дурные предчувствия, побуждающая спрятаться. Но Джереми шел и шел вперед, к кричащему существу, скорчившемуся в пикапе, словно его тянуло туда невидимой нитью. Встав на подножку, чтобы заглянуть внутрь, он увидел перед собой испуганную лань. Джереми ясно разглядел ее сломанную ногу и открытую рану, которая тянулась от левого уголка рта вниз, к плечу. Ее бока и живот поднимались и опускались с такими мучительными, трудными вдохами, что Джереми сам потрясенно выпустил воздух из легких. Из ее носа капала кровь, а в глазах застыло дикое выражение ужаса и боли. До сих пор Джереми мог ясно представить себе эти глаза, стоило ему только закрыть свои собственные.

Он не мог отвести взгляда. Несколько секунд он просто стоял там, разделяя кошмарный момент с этим прекрасным существом.

Затем, словно по сигналу, в воздухе зазвучала музыка. Его отец включил старое радио в сарае. Он всегда любил, чтобы во время работы играла музыка. Из динамиков полилась песня «Эти сапожки сделаны, чтобы ходить в них» за авторством Нэнси Синатры.

– Сын, спускайся оттуда. Ты ее напугаешь, а мне надо, чтобы она заткнулась, – скомандовал отец, появившийся из

дверей сарая. Через плечо у него висела винтовка, и он сделал несколько взмахов рукой, прогоняя Джереми от кричащего животного.

– Пап, что случилось? – осторожно спросил Джереми, прыгивая на землю. Его отец прошелся ладонью по волосам песочного цвета, затем нервно потер подбородок. Раздался знакомый шершавый звук.

– Она выбежала на дорогу прямо перед машиной. В следующий миг передо мной уже лежит эта чертова тварь, вся перекореженная. Не мог я ее так оставить. А ружья я с собой не взял, так что пришлось везти ее сюда, – буднично объяснил отец. Он обошел пикап сзади и опустил заднюю стенку грузового отсека.

Теперь лань стало видно куда лучше: она лежала на старой грязной тряпке, когда-то бывшей белой, но со временем приобретшей отвратительный бежево-пыльный оттенок. По ткани расплывались пятна крови. Язык вываливался у лани изо рта. Пока Джереми смотрел на нее во все глаза, отец успел подкатить к машине большую тачку.

– Хорошо, что ты здесь оказался, парень, – сказал он, хлопнув Джереми по спине так сильно, что тот пошатнулся.

– Что ты собираешься делать? – серьезно спросил он у отца.

– Ну, нам придется ее убить. Мы были бы чудовищами, если бы позволили ей просто так страдать.

Джереми ощутил, как у него перехватило дыхание.

– Убить? – переспросил он, не отрывая взгляда от лани.

– Это жизнь, сын. Нельзя позволять живым существам страдать без необходимости. Кроме того, существует определенная иерархия. Кто-то находится на вершине пищевой цепочки, а кто-то – в самом низу. Жертва этой лани даст нам много отличного мяса, – объяснил отец. Потом он резко дернул ткань на себя, и раненное животное содрогнулось от этого движения. – Давай. Помоги мне стащить ее вниз.

Джереми был ошарашен. Он совершенно механически помог отцу подтянуть ткань с лежащей на ней ланью к краю грузового отсека, затем забрался внутрь и помог опустить ее в тачку. Крики лани стали громкими и настойчивыми. Она звала на помощь своих сородичей, но сейчас она находилась слишком далеко от дома.

Лань ударилась о дно тачки с отвратительным стуком. Раздался негромкий треск, и лань закричала еще пронзительнее. Отец решительно повез тачку за дом, и Джереми безмолвно последовал за ним. Когда они дошли до деревьев, он помог выгрузить лань на траву.

– Встань рядом, сын, – отец поманил его к себе, и Джереми пришлось отойти от животного.

Затем отец прицелился. Он стоял, касаясь ботинком задней ноги лани, с винтовкой наизготовку, нацеленной ей в голову. Лань громко закричала, словно чувствовала нависшую над ней гибель.

– Смотри. Целиться нужно между глаз, – тихо сказал он. –

Убить раненное животное нужно быстро.

И с этими словами он неожиданно нажал на курок. Джереми подскочил на месте от внезапного грохота. На секунду все словно замедлилось, затем голова лани резко откинута назад. Последовавшая за этим тишина навалилась сверху, выбив из него дрожь, словно холодный ливень. Какое-то время они молча стояли рядом – Джереми и отец.

Теперь, оглядываясь назад, Джереми считал этот день важнейшим в своей жизни. Тогда он увидел страдания, боль и избавление, которое приносит смерть.

Джереми зашел в дом и небрежно бросил ключи в миску с мелочью. Он представил себе, как этот внезапный стук металла об металл испугал его гостей, и мысли об их ужасе привели его в радостное возбуждение. Он прошел к раковине на кухне и принялся яростно оттирать руки, избавляясь от микробов, которых наверняка нахватал в офисе. Затем Джереми расстегнул рубашку и, весь в предвкушении, направился к двери, ведущей в подвал. Он сделал только одну короткую остановку: чтобы повесить рубашку на крючок, торчащий из стены.

Затем, разгладив складки на своей белой футболке, он открыл скрипнувшую подвальную дверь и принялся спускаться вниз.

Глава восьмая

Рен провела ключ-картой, чтобы открыть внушительную дверь морга, и спустилась по ступенькам к задней парковке. Там она села за руль скромного черного седана и быстро нажала на кнопку блокировки дверей. Она слишком часто видела последствия того, как люди беспечно сидят в открытых машинах, в то время как рядом поджидает какой-нибудь ма- ньяк.

Какое-то время Рен просто сидела, пытаясь собраться с мыслями, прежде чем отправиться домой. Затем горячий ветерок донес до окна машины приглушенный разговор, и когда Рен подняла взгляд, то увидела, как из задней двери морга выходит Леруа, на ходу приглаживая волосы. Она уже хотела его окликнуть, но увидела, что Леруа занят: он отвечал на телефонный звонок. Громкая связь у него была включена, так что Рен услышала торопливый голос на другом конце провода.

– Это Бен. На книге ничего нет.

Леруа громко вздохнул, наклонился к своей машине и взял сигарету, лежащую на приборной стойке.

– Что, вообще ничего?

– Прости, приятель, – Бен звучал искренне расстроенным. – Я надеялся, хоть на этот раз мы что-нибудь найдем.

Леруа на какое-то время задержал у рта незажженную си-

гарету.

– Этот урод что, пришел в библиотеку в перчатках? Как ему вообще удается не оставлять за собой никаких следов? – он выдохнул, прикурил и сделал быструю, глубокую затяжку. – Черт. Сначала Мюллер не справилась с этим парнем, а теперь еще ты? Что стало с моими экспертами?

Рен это возмутило, однако взгляда она не отвела. Леруа выдохнул облако дыма, и оно поплыло по парковке из открытого окна его машины. Он работал в полиции достаточно долго, чтобы знать: в реальном мире дела не подаются тебе на блюдечке с голубой каемочкой, как это часто бывает в телевизоре. Но он привык к тому, чтобы преступник оставлял после себя хоть какую-то зацепку, нить, за которую можно потянуть.

Даже Израэль Киз, один из самых дотошных и хитроумных серийных убийц, которых когда-либо видел мир, в конце концов допустил ошибку. Все, что он делал, он сначала тщательно продумывал. Он не убивал в одном городе: Киз всегда путешествовал, иногда перелетая Америку на самолете, иногда – пересекая на автомобиле или поезде. Жертв он похищал и убивал случайно, предварительно закапывая специальные наборы для убийств по всей территории Соединенных Штатов, чтобы его инструменты всегда были готовы к приезду. Он тщательно дистанцировался от каждого своего убийства – кроме последнего, которое совершил в своем городе и которое в конечном итоге привело к его поимке. Ко-

гда Киз увидел молоденькую баристу, работающую в маленьком кофейном киоске Анкориджа, который он планировал ограбить в тот вечер, он утратил над собой всякий контроль. Киз похитил, изнасиловал и убил баристу, и сделал он это без какого-либо планирования, используя для этого свою собственную машину. Это спонтанное похищение попало на пленку камеры наблюдения, а когда Киз попытался сбежать, он попался на камеры снова – в этот раз когда зашел в банк, чтобы снять деньги со счета по пути из города. Его идеальное царство террора закончилось, стоило ему всего раз проявить беспечность. И Рен надеялась, что их убийцу ждет та же участь.

Детектив Леруа вдохнул очередное облако токсинов, успокаивая расшатанные нервы. По его лицу легко читался занимавший его вопрос: возможно ли, что Новый Орлеан породил серийного убийцу, чей интеллект превосходит даже макиавеллиевский размах Израэля Киза?

Из динамиков послышался смешок Бена. На фоне работала кофемашина.

– По крайней мере, не я один оказался в тупике, – заметил он. Леруа снова тяжело вздохнул.

– Ладно. Похоже, мы вернулись к тому, с чего начали. Спасибо, приятель, – со стоном ответил он.

– Удачи, – и Бен повесил трубку.

Рен тяжело было обидеть. Они все работали на пределе своих возможностей. Леруа так вообще выглядел просто

ужасно. Когда он щелчком отправил дотлевшую сигарету в полет и вырулил с парковки, Рен заметила, что под глазами у детектива темные круги. Она вздохнула и повернула ключ зажигания. Из динамиков тут же зазвучало радио, прорезав тишину пустых улиц, среди которых расположился морг. Рен поморщилась, выключила звук и вместо этого подсоединила к блютузу машины свой телефон, чтобы выбрать подкаст для короткой поездки домой. Это не помогло ей отвлечься. Рен не могла перестать думать об имени в библиотечной карточке. По словам Леруа, Филип Трюдо – всего лишь отвлекающий маневр, но она никак не могла выкинуть из головы то, как знакомо звучало это имя.

Как много Филипов Трюдо ты встретишь за свою жизнь?

Рен свернула на свою улицу, задаваясь вопросом: стоит ли ей прислушаться к ноющему чувству ужаса, или лучше поверить, что Леруа и другие детективы сделали свою работу должным образом, вычеркнув этого парня из Массачусетса. Остановившись у подъездной дорожки, Рен вышла из машины и поднялась по ступенькам на свое старое покосившееся крыльцо. Дом у Рен уже очень старый, но ей, тем не менее, нравился и его характер, и многочисленные причуды.

Рен закрыла за собой входную дверь и повесила ключи на крючок, затем прошла на кухню, где бросила на пол сумку. Чувствуя себя измотанной, но еще не готовой лечь спать, Рен покосилась на висящие над плитой часы и решила сварить себе чашечку кофе. Большинство ее друзей по-

сле долгого рабочего дня предпочитали выпить бокал красного вина, но Рен вино никогда не нравилось. С ее точки зрения, на вкус оно было как кислый виноградный сок, который слишком надолго оставили на солнце, и кроме того, от вина у нее болела голова. А вот теплый, ободряющий запах готовящегося кофе немедленно ее успокоил. Рен облокотилась на кухонную стойку и некоторое время слушала журчание и побулькивание кофемашины.

Филип Трюдо.

Она еще раз повторила это имя – сначала мысленно, затем вслух, надеясь, что это поможет давно позабытому воспоминанию вынырнуть на поверхность. Говорила она, правда, тихо, чтобы не разбудить своего мужа, Ричарда, спавшего наверху. Ему нужно было рано вставать на работу, и Рен всегда старалась, чтобы ее ночные посиделки не мешали его отдыху.

Сжав в руках кофейную чашку, Рен отправилась к дивану в гостиной и плюхнулась на его потертые подушки. Ричард ужасно хотел заменить диван на новый, но Рен отказывалась с ним расставаться. Ей нравилось, как легко этот старый диван принимает форму ее тела. К новой мебели всегда нужно привыкать – первое время она никогда не может обнять тебя так, как нужно. А сейчас у Рен совершенно не было терпения, чтобы к чему-то привыкать – даже к новому жесткому дивану.

Даже сейчас, с чашкой успокаивающего кофе в руках, Рен

никак не могла окончательно отпустить прошедший день. Мысли постоянно возвращались к жертве, лежащей в морге. Раздутое, избитое тело Джейд Доу было настоящей ловушкой для разума Рен. Убийца умен – достаточно умен, чтобы понимать, какое разочарование вызовет предварительно охлажденное тело у того, кому придется разбираться с определением времени смерти. И с каждой жертвой он становился все умнее. В этот раз он еще усерднее позаботился о том, чтобы скрыть свою личность – а значит, он способен учиться и адаптироваться. И жизни он своих жертв каждый раз лишал новым способом, словно экспериментировал. У убийцы был пылкий ум и дотошность исследователя – а это всегда опасное сочетание.

– Рен!

– Что? Ох. Привет, дорогой, – от мыслей ее отвлек знакомый голос. Ричард зевнул и упал в удобное кресло напротив.

– Ты как, с нами? – улыбнулся он, и Рен издала хриплый смешок в ответ.

– Извини. Я не хотела тебя будить. Просто хотела развеяться немного перед сном.

– Судя по всему, развеялась ты на отлично. Я тебя дважды окликнул, прежде чем ты очнулась.

– Это была долгая ночь.

Рен откинулась на спинку дивана и сделала глоток кофе. Ричард, напротив, наклонился вперед, пристроив локти на коленях.

– Да, у меня было предчувствие, что сегодня тебя долго не будет.

Ричард всегда все понимал. Иногда Рен не понимала, как ему это удается, но она никогда не принимала его поддержку за должное.

– В этот раз все особенно плохо, – вздохнула Рен, прикусывая губу. – Я просто хочу найти этого ублюдка.

– Рен, в этом-то и дело. Ты не должна его искать. Это работа детективов. Сосредоточься на том, что ты делаешь лучше всего. Работай с той информацией, которая тебя предоставлена.

Она знала, что Ричард прав. Но он был не в курсе ни о Филипе Трюдо, ни о ноющем ощущении, будто тут есть какая-то связь, которую может найти только Рен. Но вместо того чтобы спорить, Рен поддалась и встала с дивана.

– Ты прав, я знаю.

– Пойдем спать.

Рен кивнула и направилась к раковине, чтобы вылить остатки уже остывшего кофе, а Ричард зашаркал к лестнице. Опустошая чашку, Рен краем глаза заметила в окне свое отражение. Вид у нее был тот еще.

Тут она заметила, что растущий в горшке на подоконнике базилик уже почти завял. Она быстро освежила его небольшим количеством воды из-под крана, зная, что уже через несколько часов он снова воспрянет.

– Давай, малыш. Попей.

Потом она выключила свет и поднялась в спальню, гадая, поливает ли серийный убийца свои домашние растения.

Глава девятая

Поездка в университет по пробкам могла занять несколько часов. Иногда Джереми был даже не против. Это то время, которое он мог провести в полном одиночестве, где никто не отвлекает его от мыслей.

Сегодня был не один из таких дней.

Джереми нервничал. Ощущение было такое, словно внутри ног бегают целая прорва маленьких жучков, и он покачивал и постукивал ногами в бесплодных попытках унять этот зуд. Такое бывало каждый раз, когда он пытался решить, что хочет создать следующим. Теперь, когда его цель была совсем близко, он не мог перестать о ней думать. Не мог перестать мысленно представлять, как будет разворачиваться его игра. Он уже мог чувствовать запах их отчаяния.

Джереми ущипнул себя за переносицу и включил радио, переключился на местную станцию.

– Жертву, белую женщину примерно двадцати лет, нашли этим утром у одного популярного местного бара. Тело отвезли на судмедэкспертизу, аутопсия будет проведена сегодня днем.

Джереми ощутил, как сердце у него забилося быстрее, а к лицу прилил жар. Всякий раз, когда он понимал, что эти неумехи-детективы нашли еще одного его гостя, Джереми охватывал особенный трепет. Единственная причина, по ко-

торой они еще не присоединились к преступникам, которых так усиленно ищут – это их своеобразная ложная мораль. Хрупкая вещь, которая может в любой момент разлететься на куски, словно стекло.

И еще этот судмедэксперт. Неважно, как сильно он верит, что мертвые могут с ним говорить – они не могут. Судмедэкспертиза может определить – иногда – причину смерти, но как они почувствуют последние мысли жертвы, судорожно глотающей стремительно заканчивающийся воздух? Криминальные патологоанатомы могут очень точно объяснить, что произошло после того, как остановилось сердце. Но они не могут написать отчет, объясняющий, как выглядит истинное мучение, не могут упростить до схемы безумное удовольствие, которое испытывает тот, кто его причиняет. Они вооружены пилой для костей, но никогда не обхватывали ладонью чужую шею. Смерть и боль нельзя объяснить в отчете о вскрытии, как ни пытайся. Это глубоко первобытные понятия, которым нельзя научить на лекции или измерить в лаборатории.

Они понятия не имеют, что их ждет – всю эту команду так называемых экспертов, все еще преследующих предсказуемого убийцу, действующего по определенной схеме. Никто из них не замечает, как все изменилось. Пока они будут тщетно пытаться составить его профиль, Джереми будет дирижировать из тени.

Пробка впереди начала рассасываться, и Джереми стрях-

нул с себя задумчивость.

Поймите меня, если сможете.

Глава десятая

Это что, смерть?..

Рен была окружена такой плотной тьмой, что, казалось, ее можно тронуть ладонью. Затем на нее волной обрушилась жара, такая сильная, что голова идет кругом. Ее сердце забилось сильнее, и сильнее, и сильнее, пока темнота расцвела глубоким красным светом. В горле застрял крик, и Рен раскрыла рот, как рыба, в тщетной попытке глотнуть воздуха. Грудь разрывало от боли, а Рен все силилась закричать, позвать на помощь, но не могла проронить ни звука.

Затем тьма вдруг рассеялась, и Рен увидела собственных родителей. Они стояли посреди ослепительно-белой комнаты, и мать цеплялась за руку отца. Лица обоих были искажены от горя.

Рен обвила вокруг них руки, обняла покрепче. Теперь она чувствовала знакомый домашний запах мамы – от нее пахло яблоками, чувствовала аромат одеколona отца – чистый и теплый. Она стояла так, прижавшись к родителям, позволяя облегчению насытить воздух.

Становилось все холоднее.

Никто не обнимал ее в ответ. Рен откинула голову, пытаясь заглянуть им в лица, но заплаканные глаза родителей смотрели сквозь нее.

– Мам! Пап! – умоляюще проговорила она, дотронулась

ладонями до их лиц. Ничего. Они стояли, вцепившись друг в друга, и не обращали на Рен никакого внимания.

Она снова ощутила жар. Глубокую, пульсирующую волну жары, смешанную с тошнотой. Рен снова попыталась дозваться родителей, и в этот раз ей пришлось перекрикивать белый шум, наполнивший комнату и терзающий ее барабанные перепонки.

– Мам? Где мы? Пожалуйста, помоги! – умоляла она. Никакого ответа.

Глаза матери были красными от слез. Она выглядела совершенно отчаявшейся и не отвечала Рен, как бы та ни старалась привлечь ее внимание. Статический шум вдруг перекрыл голос: он звучал знакомо, но не принадлежал ни Рен, ни ее родителям.

– Ты умираешь, Рен, – буднично произнес мужчина.

В ее жилах заледенела кровь. Она все смотрела в лица родителей, цепляясь за них и отчаянно не желая оглядываться назад, а их фигуры растворялись, словно дым, пока от них ничего не осталось. Когда последний их след исчез, Рен беспомощно упала на колени, и из ее груди вырвался очередной полузадушенный всхлип.

Голос заговорил вновь, и Рен пробрала дрожь.

– Что у тебя с ногами, Рен? – спросил он.

Рен перевела взгляд на свои бедра и медленно встала. Пол как будто бы потерял свою плотность, стал жидким и текучим, как вода. Рен потеряла равновесие и зашаталась.

Голос рассмеялся: сначала это был короткий, отрывистый смешок, который перешел в хихиканье, когда Рен снова упала на колени.

– Мои ноги, – прошептала она. Из них ушла вся чувствительность, словно из сухих, мертвых веток древнего дерева.

Наконец, Рен повернулась посмотреть на обладателя голоса. К ней шел стерильно-чистый мужчина, без единого пятнышка на белой футболке и джинсах. Лицо у него было размытым, и чем ближе он подходил, тем меньше воздуха оставалось в легких у Рен. Она спазматически закашлялась, давясь рвотными позывами. Ощущения были такие, словно кто-то засовывал ей в глотку раскаленную кочергу.

– Ш-ш-ш, – мягко прошелестел мужчина, опускаясь рядом с Рен на корточки и прикладывая к губам указательный палец. Несмотря на то, что она не могла различить его лица, Рен чувствовала – он улыбается. Она поползла назад, совершенно инстинктивно, не думая, волоча за собой отяжелевшие ноги в отчаянной попытке увеличить дистанцию.

– Беги, – тихо сказал голос позади.

Рен попыталась всхлипнуть, но в легких не осталось воздуха даже для того, чтобы просто выдохнуть. Комната качалась и изгибалась, жар начинал становиться невыносимым.

– Беги! – сказал он уже громче. Рен затрясло, и он расхохотался в ответ.

Она потрясла головой, изо всех сил продолжая ползти прочь. Все подернулось туманной дымкой, белая комната

трепетала и извивалась, словно развевающаяся на ветру занавеска. Медленно наступила темнота, сужая ее поле зрения. Когда мир изогнулся и потемнел окончательно, Рен в последний раз услышала этот ужасающий голос.

– Беги! – закричал он.

Рен рывком села на постели. Комнату заливал дневной свет. Дыхание вырывалось из груди рваными, хриплыми выдохами, кожу заливал липкий пот. Какое-то время Рен не могла понять, проснулась ли она или все еще спит, отданная во власть кошмаров. Она сощурилась, оглядываясь и пытаюсь прийти в себя, чувствуя, как неистово колотится у нее сердце.

– Господи. Это худший кошмар в моей жизни, – хрипло выдавила она в пустоту спальни, свешивая ноги с кровати.

Вчера она забыла включить сигнализацию, и сейчас увидела: жалюзи на окне с ее стороны кровати подняты, и через окно льется солнечный свет. Это еще не все: они слегка перекосились, зацепившись за облупившуюся краску. Конечно, ничего необычного в этом нет, но Рен все равно ощутила, как ее охватывает паранойя. Джейн Доу шли за ней по пятам, и Рен всегда боялась, что следом могут прийти и их убийцы.

Она покачала головой, стараясь выбросить из головы навязчивые мысли. Слишком рано. Рен поправила жалюзи и отправилась в душ.

Пока в бойлере нагревалась вода, Рен почистила зубы. Ее мысли вновь начали блуждать. Пока она занималась обыч-

ной утренней рутинной, мысленно она обдумывала предстоящий выходной. Ей бы и правда не помешало провести день вдали от всех этих как-то связанных между собой тел, найденных во всех уголках ее родного города. Целых двадцать четыре часа, в течение которых Рен не придется смотреть в раскрытую грудную клетку – это казалось почти что недостижимой фантазией. Ей нравилась идея, что она сможет просто посидеть где-нибудь с мужем и расслабиться. Черт, да Ричард за этот месяц столько раз успел пошутить свою дурацкую шутку «А ты похожа на мою жену», что Рен даже начала находить ее забавной.

Моргнув, Рен вернулась в реальность и со скрипом повернула кран, выключая душ. Водные процедуры были окончены, пора было одеваться и выходить в реальность.

* * *

Рен взмахнула ключ-картой перед датчиком, толкнула тяжелую стальную дверь, и на нее тут же обрушилась волна слегка затхлого воздуха. Рен направилась в свой кабинет. Там она бросила на стол ключи и тут же заметила целую кучу свежих файлов, лежащих в папке «Новые дела».

Она вздохнула и покачала головой. Обычно ее не смущало обилие работы. Но сейчас, со всеми этими новостями об еще одном найденном теле и СМИ, поднимающими панику, Рен начинала чувствовать давление. Стопка новых дел – это, ко-

нечно, не худшее, что могло случиться, но приятного мало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.